

У Хуа Циндай была светлая кожа и ясные глаза. Цветочная корона на голове делала ее еще более очаровательной.

Она действительно была красавицей, привлекающей внимание жителей города Цанбо. Когда с нее сняли вуаль, гости в зале были внезапно ослеплены. Однако по сравнению с ее красотой ее поведение в этот момент было еще более шокирующим.

Особенно после того, как она в удивлении схватила Мин Жусу за руку, на сцене мгновенно воцарилась тишина.

Все были в трансе, и весь зал был полон вопросительных знаков.

Зрители в зале прямой трансляции были хорошо осведомлены, и их психологическая устойчивость в этом отношении была выше, чем у людей из мира культивации. После первоначального удивления они быстро пришли в себя:

[А? Что это?!?!]

[Черт! Я так разозлилась, что уже собиралась нажать X и выйти из прямой трансляции, но шицзе позвала меня обратно словами «госпожа Хуа»! Чанъян, я зря тебя обвиняла! У тебя есть видение!!]

[Ух ты!! Невеста-мэймэй такая красивая! Она вместе с шицзе создают такой приятный образ для глаз!]

[Это моя иллюзия? Почему разговор между ними кажется таким цитрусовым1?]

(1. Окольный способ сказать, что они ведут себя как лесбиянки. Это отсылка к аниме/манге в жанре юри «Цитрус»)

[Ты не одна такая! Я так взволнована! Шицзе, давай! Что у тебя с невестой-мэймэй?]

[Ха-ха-ха, выражение лица этого подонка тоже очень интересное. Я умираю от смеха!!]

В зале прямой трансляции царило волнение, а в главном зале башни Чанчунь по-прежнему стояла мертвая тишина.

Цзы Цзювэнь был еще больше ошеломлен. Он только что начал длинную и трогательную речь, которую подготовил заранее, но она застряла у него в горле, и на какое-то время он потерял дар речи.

Обе стороны, участвовавшие в этом, понятия не имели, какой ущерб они нанесли всем остальным. Они видели только друг друга.

Услышав слова Хуа Циндай, Мин Жусу расслабилась. С улыбкой в глазах она сказала:

— Госпожа Хуа, я здесь, чтобы забрать вас. Вы готовы пойти со мной?

— Да, — Хуа Циндай энергично кивнула, — я готова.

Сказав это, она обернулась и посмотрела на Хуа Гуанбая в холле, сделала глубокий вдох и сказала:

— Папа, я не хочу выходить замуж за Цзы Цзювэня. Я хочу быть с Мин Жусу-цзеце.

Как только эти слова прозвучали, вся аудитория снова была потрясена, и послышался тихий вздох.

Кто-то не удержался и взволнованно воскликнул:

— Ух ты!

Хуа Гуанбай не успел прийти в себя после замешательства, в которое его повергло заявление дочери, и сразу же испугался еще сильнее.

Хуа Гуанбай: «??????»

Он прожил почти сто лет и пережил бесчисленное количество бурь, больших и малых. Как лидер секты, он повидал многое.

Но никогда еще он не был так растерян, как сейчас.

Ученики Башни Чанчунь, которые заранее получили его тайный приказ и тайно находились на страже в толпе, тоже были в замешательстве: «Как им поступить?»

— Ты, ты... — маленькие усики на губах Хуа Гуанбая задрожали, и он не смог подобрать подходящий вопрос.

Но он тут же кое-что вспомнил, поэтому повернул голову и медленно посмотрел на Цзы Цзювэня с явным вопросом в глазах: «Разве ты не говорил, что Мин Жусу здесь, чтобы похитить тебя?»

Не только он, но и другие присутствующие гости пришли в себя, и тогда атмосфера стала еще более волнующей!

Все взгляды снова устремились на Цзы Цзювэня. В их глазах читались удивление и растерянность, но больше всего было сомнения и... сдерживаемого смеха.

Никто не забыл, что именно несколько учеников секты Юйсюй, по-видимому, случайно проговорились о том, что Мин Жусу собирается похитить Цзы Цзювэня, и именно они намекнули, что Мин Жусу отругала его за дверью, потому что ее любовь превратилась в ненависть.

Выступление Цзы Цзювэня было еще более захватывающим, особенно его трогательная речь. В тот момент она казалась особенно сентиментальной.

Одна и та же мысль промелькнула в головах у всех.

Мин Жусу действительно пришла сюда, чтобы похитить кого-то, но ей нужен был не жених, а невеста.

Наньжун Бо, который только что в гневе дико тряс своим веером, не смог удержаться:

— Пф-ф-ф, — и сказал холодным тоном: — Похоже, что товарищ-культуратор Мин ругала товарища-культуратора Цзы на улице, не из любви, которая превратилась в ненависть, а потому, что она была зла из-за того, что он хотел украсть у нее госпожу Хуа.

Лицо Шэнь Чжэ ничего не выражало, и он, заикаясь, произнес:

— Нет, шицзе, как она могла...

Чжу Чанъян показал ей большой палец и восхищенно сказал:

— Шицзе действительно держит слово. Она действительно не пошла похищать жениха.

Шэнь Чжэ: «...»

Это кажется правильным.

Даже те немногие женщины-культураторы, которые восхищались Цзы Цзювэнем и пришли сюда специально ради него, не могли не сомневаться в собственной привлекательности: «Был ли Цзы Цзювэнь таким самовлюбленным?»

Зрители в зале прямой трансляции смеялись как сумасшедшие:

[Черт возьми, черт возьми, черт возьми! Это цитрус! Настоящий цитрус!]

[Какое неожиданное развитие событий...]

[Кто бы мог подумать? Шицзе, ты моя богиня, но ты действительно хотела похитить невесту?! А невеста согласилась?]

[Она согласилась? Мне кажется даже, что невесте-мэймэй не терпится? Судя по взглядам, которые они бросали друг на друга, и по их разговору, они, возможно, давно тайно встречались!]

[Ха-ха-ха-ха-ха-ха!!! Этот поденок действительно забавный. Кто-то должен записать то, что он только что сказал, и использовать это, чтобы несколько раз выпороть его труп!!]

[Выражение лица лидера Башни Хуа тоже забавное: замешательство → ужас → «зять, объясни!»]

[Это слишком захватывающе, слишком волнительно. Мне нравится этот мир культивации! Неправильно не разместить эту часть на главной странице! @Администратор, выйди и займись работой!]

Цзы Цзювэнь пользовался большим спросом с момента своего дебюта. Он никогда не чувствовал себя так неловко. В этот момент, когда он смотрел на всех в зале, как будто он был посмешищем, его лицо покраснело и посинело, и он чувствовал себя крайне неудобно.

В конце концов, он был лидером среди нового поколения. Он все еще мог сохранять самообладание в этой ситуации и быстро соображать.

Первоначальные планы были совершенно бесполезны. В этой ситуации единственным выходом было сначала стабилизировать положение Хуа Циндай.

Цзы Цзювэнь не знал, что произошло, но был уверен, что это сделала Мин Жусу.

В глубине души он был очень зол, но на лице это никак не отражалось. Он по-прежнему смотрел на Хуа Циндай с любовью и тихо сказал:

— Дай-мэй, Мин Жусу что-то тебе сказала? Ты не должна ей верить. Она очень умная. Должно быть, у нее дурные намерения, и она хочет разрушить наши отношения...

— Прекрати говорить, — перебила его Хуа Циндай с надутым лицом, — я все знаю.

— Что ты знаешь? — нахмурился Цзы Цзювэнь.

Хуа Циндай сняла с пояса красную кисточку, подержала ее в пальцах и помахала перед ним:

— Хм, ты говорил, что твоя мать сделала эту кисточку для меча для тебя еще до того, как ты стал учеником, а когда ты подарил ее мне, ты сказал, что она очень ценная и единственная в своем роде. Так почему же у Мин-цзецзе тоже есть такая?

Цзы Цзювэнь был поражен и подсознательно хотел защититься, но прежде, чем он успел заговорить, в зале раздались удивленные голоса нескольких женщин-культураторов.

— Ах, он и мне подарил эту кисточку от меча!

— Я тоже получила такую. Он сказал мне, что его сделала его мать. Хотя она не очень ценная, она очень дорога...

— Он сказал, что она от его бабушки! Я даже подарила ему в ответ очень дорогой духовный инструмент!

Все посмотрели на источник звука и увидели, что женщины-культураторы, купившие приглашения на черном рынке по высокой цене, чтобы увидеть Цзы Цзювэня, достали из своих мешочков цяньюнь одинаковые кисточки для меча и показали их всем.

Внезапно в воздухе затрепетали несколько красных кисточек, которые выглядели особенно ослепительно.

Шэнь Чжэ пришел в ярость и повернулся, чтобы толкнуть Чжу Чанъяна локтем:

— Брат Чжу, ты был прав. Он действительно дал всем одно и то же!

Цзюнь Шу тоже кивнул:

— Значит, когда ты сказал, что эти истории основаны на реальных событиях, ты имел в виду именно это? Я понимаю.

Чжу Чанъян: «...»

Видит Бог, в тот момент он действительно сказал это невзначай. Неужели эти подонки не могут вести себя более изобретательно?!

Один из гостей не удержался от поддразнивания:

— Похоже, что мать товарища Цзы сделала много кисточек для меча еще до того, как он стал учеником.

В этот момент больше ничего не нужно было говорить. Все поняли, что происходит.

Если раньше все смотрели на Цзы Цзювэня со смехом и сочувствием, когда речь заходила о похищении его невесты, то теперь в их взглядах читались только насмешка и презрение.

На протяжении многих лет многие женщины-культураторы были безумно влюблены в Цзы Цзювэня, а некоторые даже сменили секту ради него. Цзы Цзювэнь всегда вел себя так, будто ничего не знал об этом, будто он тоже был очень расстроен.

Все действительно думали, что Цзы Цзювэнь был слишком обаятельным, но теперь кажется, что этот парень был просто знатоком рыбалки!

Несколько присутствующих женщин-культураторов пришли в ярость, и некоторые бросили свои кисточки для меча на землю и несколько раз наступили на них:

— Мусор!

Цзы Цзювэнь: «.....!»

Он никогда не думал, что в итоге спотыкнется из-за этих маленьких кисточек для мечей.

Этого не должно было случиться. Он всегда был осторожен и отдавал их только нескольким женщинам-культураторам, у которых были лучшие условия.

Эта вещь не была духовным инструментом. При его намеренном введении у нее появились собственные чувства. Они всегда очень дорожили ею. Они не хотели использовать ее в обычное время и не упоминали о ней в разговоре с другими. В лучшем случае они показывали ее только близким друзьям.

Другие, как правило, считали, что подарок был небольшим, но чувства были искренними.

Он и подумать не мог, что однажды подаренные им кисточки от мечей будут выставлены на всеобщее обозрение!

Это была публичная казнь!

На самом деле это было просто совпадением, потому что приглашенные билеты на черном рынке стоили очень дорого, и единственными, кто был готов потратить такую огромную сумму, оказались те женщины-культураторы с хорошими условиями.

Настоящий вопрос в том, откуда Мин Жусу и Хуа Циндай узнали, что у всех них была одна и та же кисточка для меча?!

Честно говоря, Мин Жусу сама была ошеломлена. Она предположила, что Цзы Цзювэнь, вероятно, раздавал их не только ей и Хуа Циндай, но не ожидала, что он раздал их так много.

Если посчитать их, то, может быть, их было примерно семь, что полностью соответствует жалобам Чжу Чанъяна в тот день.

Мин Жусу с усмешкой спросила:

— Цзы Цзювэнь, что еще ты хочешь сказать?

Лицо Цзы Цзювэня помрачнело.

Теперь, когда дело дошло до этого, все, что он говорил, было бесполезно.

Но он точно знал одно: несмотря ни на что, он должен был сохранить Хуа Циндай, иначе он действительно стал бы посмешищем.

— Мин Жусу, ты можешь уйти, если хочешь, но ты ни за что не сможешь забрать Дай-мэй.

Взгляд Цзы Цзювэня был зловещим. Говоря это, он поднял руки и указал на обе стороны.

Ученики секты Юйсюй, спрятавшиеся в толпе, немедленно мобилизовали свою ци и приготовились к использованию тайных техник, ожидая его приказа.

— Черт, он хочет напасть! — Шэнь Чжэ был очень взволнован, увидев это, и сразу же выбежал:
— Я пойду помогу Шицзе!

— Подожди минутку. — Чжу Чанъян быстро схватил его за руку. — Ты можешь победить этого парня по фамилии Цзы?

Было бы проще, если бы у одного из них был более высокий уровень развития, но они оба соревновались друг с другом. Раньше Шэнь Чжэ мог только позволить Мин Жусу преследовать и побеждать его, так что даже если бы он отправился туда, его, скорее всего, убили бы.

— Я не могу победить его, — спокойно сказал Шэнь Чжэ, — но важна сама мысль.

Чжу Чанъян:

— ...Тебе лучше не доставлять больше хлопот своей шицзе.

Шэнь Чжэ:

— Но шицзе не может справиться со всеми ними в одиночку...

— Дай-ка я подумаю. — Чжу Чанъян огляделся и быстро придумал, что делать. Он тут же толкнул локтем сидящего рядом Цзюнь Шу и сказал: — Я помню, что ты раньше сделал кисточку для меча. Она все еще у тебя? Достань и покажи мне.

— Она все еще у меня, — Цзюнь Шу был сбит с толку, но все равно достал ее. — Что ты собираешься делать?

В центре зала Мин Жусу почувствовала опасность, и ее лицо похолодело:

— Цзы Цзювэнь, ты хочешь меня заставить?

Цзы Цзювэнь не стал отрицать:

— Ради наших прошлых отношений, если ты уйдешь сама, я тебя отпущу...

Не успел он договорить, как из угла раздался крик:

— Что, у тебя тоже есть кисточка для меча?!!

Этот крик был очень громким и содержал ключевой элемент, который оглушал и сразу привлекал всеобщее внимание.

Цзы Цзювэнь тоже повернул голову, чтобы посмотреть.

Все оказались еще более шокированными.

Это был Чжу Чанъян, который закричал, и когда они обернулись, то увидели, что он обеими руками закрывает лицо и с недоверием смотрит на парящую перед ним кисточку от меча.

И тот, кто держал кисточку для меча из перьев, был... мужчиной????

После того, как Цзы Цзювэнь и несколько женщин-культураторов потерпели неудачу с «любовным знаком в виде кисточки для меча», кисточка для меча в это время и при этих обстоятельствах стала крайне деликатным предметом.

Снова взглянув на мужчину, держащего кисточку для меча, все поразились его красоте. Он был так великолепен, что казался изгнанным бессмертным. Его внешность превосходила его пол и была даже прекраснее, чем у тех женщин-культураторов.

Почти одновременно у всех возникла смелая, но разумная мысль: «Нет, ни за что!»

Цзы Цзювэнь еще не успел отреагировать и все еще гадал, что имел в виду этот человек, поднимая кисточку для меча, когда некоторые гости внезапно повернулись и посмотрели на него с неописуемым осуждением в глазах.

Цзы Цзювэнь: «?»

Секундой позже.

Цзы Цзювэнь: «!!!»

Постойте, что эти люди имеют в виду? Они же не думают, что он подарил и эту кисточку для меча, верно?

Очевидно, все так и думали.

Чжу Чанъян только что увидел, как Цзы Цзювэнь шаг за шагом прижимает Мин Жусу, и ситуация достигла точки кипения. В спешке у него не было времени объясняться, поэтому он закричал.

Цзюнь Шу сначала не понял, что он имеет в виду, пока гости не оглянулись и не посмотрели на него с удивлением и... сочувствием?

Цзюнь Шу: «?»

Секундой позже.

Цзюнь Шу: «!!!!» У него аж зрачки задрожали.

Он медленно повернул голову и посмотрел на Чжу Чанъяна, и впервые в его обычно спокойных

глазах появилось убийственное намерение.

Чжу Чанъян нетерпеливо посмотрел на него, отчаянно моргая, и спросил еще громче:

— Гэгэ, скажи что-нибудь. Эта кисточка для меча действительно твоя?

Цзюнь Шу: «...»

Что он мог сделать? Чжу Чанъян уже называл его «гэгэ».

Цзюнь Шу закрыл глаза, медленно кивнул и с болью в голосе сказал:

— Да, это моя кисточка для меча.

Его боль, естественно, была вызвана его ненавистью к этому внезапному сценарию.

Но в глазах других это означало совершенно другое.

Вся публика была в смятении, и в этот момент осуждение Цзы Цзювэня достигло своего пика:

— Зверь! Такой зверь!

Изначально того, что Цзы Цзювэнь раздаривал кисточки для меча, чтобы знакомиться с женщинами-культураторами, было достаточно, чтобы все его презирали, но в лучшем случае его ругали за высокомерие и скупость.

Но они не ожидали, что он подарит ее даже мужчине, а это уже совсем другое дело!

В мире культивации не было дискриминации по отношению к гомосексуалистам, и многие люди практиковали двойное культивирование с представителями своего пола.

Но было не так много людей, которые играли и с мужчинами, и с женщинами. Особенно такой, как Цзы Цзювэнь, который обычно притворялся таким благородным, но втайне изменял женщинам-культураторам и красивым мужчинам. Кем еще он мог быть, как не зверем?

На самом деле, если бы кто-нибудь в тот момент задумался, он бы понял, что разговор между Чжу Чанъяном и Цзюнь Шу был довольно неоднозначным.

Они вообще не упоминали Цзы Цзювэня.

Однако под влиянием разворачивающихся на их глазах событий ни у кого из них не было времени глубоко задуматься, и их первой реакцией было обвинить Цзы Цзювэня.

Даже ученики секты Юйсюй были шокированы. Все они смотрели на своего шисюна с выражением, которое говорило: «Как так, шисюн, это уже слишком!»

Цзы Цзювэнь почувствовал, как кровь прилила к его голове, и хотел объясниться, но его социальный статус был под угрозой, и что бы он ни сказал сейчас, это выглядело бы как оправдание.

Он всегда был очень хорош в общении с людьми и не знал, скольких людей он одурачил за эти годы. Впервые он по-настоящему осознал, каково это — не уметь себя защитить.

— Перестаньте нести чушь! — сердито рявкнул Цзы Цзювэнь, желая прекратить все это, пока не стало хуже.

В это время один из его шиди внезапно в ужасе закричал:

— Шисюн, они убежали!

Цзы Цзювэнь внезапно пришел в себя и был потрясен, осознав истинные намерения Чжу Чанъяна. Увидев, как Мин Жусу и Хуа Циндай выбегают за дверь, он быстро последовал за ними:

— Поторопитесь!

Однако Мин Жусу и Хуа Циндай уже все спланировали. Они обе взяли с собой духовные инструменты, которые помогли бы им сбежать, а Хуа Циндай хорошо знала местность вокруг Башни Чанчунь. Как только они вышли за дверь, то направились не к лестнице, а сразу к краю платформы и перепрыгнули через перила.

Цзы Цзювэнь подбежал к перилам и посмотрел вниз, но увидел лишь туман и облака. Нигде не было и следа красавиц.

— Шисюн, что нам теперь делать? — с тревогой спросил шиди.

— Вы, ребята, продолжайте погоню. — Цзы Цзювэнь ударил по перилам, развернулся и, стиснув зубы, вернулся в главный зал. — Я разберусь с этими людьми.

В главном зале Чжу Чанъян увидел, как Цзы Цзювэнь сердито возвращается, и понял, что что-то не так. Он тут же оттолкнул Шэнь Чжэ в сторону и взял Цзюнь Шу за руку. С грустным и сердитым выражением лица он сказал:

— Гэгэ, давай покинем это печальное место!

Услышав это, все гости понимающе переглянулись и посмотрели на Цзюнь Шу с большим беспокойством.

Женщина-культуратор, которую тоже обманул Цзы Цзювэнь, почувствовала то же самое и сразу же встала:

— Я пойду с тобой.

Цзюнь Шу: «.....»

В Башне Чанчунь царил хаос, а в зале прямой трансляции было еще оживленнее.

[Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха...]

[Чанъян — ядовитая змея, от этой волны операций у меня онемел затылок!!]

[Я умер! Если бы я не видел экзамен по совершенствованию и не знал, как Цзюнь Шу сам сделал кисточку для меча, я бы действительно подумал, что он получил ее от этого подонка!]

[Что, так значит, этот красавчик получил свой меч не от подонка?? Новичок озадачен.jpg]

[Черт, даже кто-то, кто смотрел прямую трансляцию, воспринял это всерьез... Похоже, на этот раз подонку придется выйти!]

[Этот подонок заслужил это, ах! Чанъян хорошо поработал!]

[Сестры, запомните экран ненавистью к Цзы Цзювэню!]

[Цзюнь-гэ заставил меня смеяться до упаду. Видели бы вы его лицо! Прощай, мама.jpg2]

2. Мем

[Не говори так, Цзюнь Шу — такой хороший человек. Он не убил Чанъяна на месте и даже признался. Я плачу!]

[Он не признался. Он просто сказал, что кисточка от меча была его. Это правда, но я все равно плачу!!]

[Тоже плачу.]

<http://bllate.org/book/14315/1267275>